

9. Ланник, Л. В. Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии / Л. В. Ланник. – Саратов : Саратовский государственный технический университет, 2012. – 536 с.
10. Млечин, Л. Великая война не окончена. Итоги Первой мировой войны / Л. Млечин. – М. : Центрполиграф, 2015. – 578 с.
11. Назария, С. М. История международных отношений и внешней политики великих держав в новейшее время : курс лекций / С. М. Назария. – Кишинев, 2007. – 687 с.
12. Наумов, О. А. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы / О. А. Наумов. – М. : РОССПЭН, 2007. – 415 с.
13. Очерки истории Германии с древнейших времен до 1918 г. / И. М. Кривогуз [и др.]. – М. : Учпедгиз, 1959. – 362 с.
14. Павлов, Н. В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель / Н. В. Павлов. – М. : Междунар. отношения, 2012. – 800 с.
15. Пайпс, Р. Русская революция : в 3 кн. / Р. Пайпс. – М. : Захаров, 2005. – Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. – 720 с.
16. Патрушев, А. И. Германия в XX веке / А. И. Патрушев. – М. : Дрофа, 2004. – 434 с.
17. Сидоров, А. Ю. История международных отношений 1918–1939 гг. : учебник / А. Ю. Сидоров, Н. Е. Клейменова. – М. : Центрполиграф, 2006. – 640 с.
18. Системная история международных отношений в двух томах / под ред. А. Д. Богатурова. – М. : Культурная Революция, 2006. – Т. 1. События 1918–1945 годов. – 478 с.
19. Смирнов, В. П. Две войны – одна победа / В. П. Смирнов. – М. : АСТ-Пресс, 2015. – 415 с.
20. Тардьё, А. Мир / Пер. с фр. под ред. и вступ. статьей Б. Е. Штейна / А. Тардьё. – М. : Госполитиздат, 1943. – XXIV, 430 с.
21. Уткин, А. И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен / А. И. Уткин. – М. : Эксмо, Алгоритм, 2004. – 624 с.
22. Черчилль, У. Мировой кризис / У. Черчилль ; пер. с англ. ; с предисл. И. Минца. – М. ; Л. : Гос. воен. изд-во, 1932. – 328 с.
23. Шацилло, В. К. Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы / В. К. Шацилло. – М. : ОЛМА-Пресс., 2003. – 480 с.
24. Шульце, Х. Краткая история Германии / Х. Шульце. – М. : Весь Мир, 2004. – 256 с.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА БЗНС ПО ОТНОШЕНИЮ К ВОЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ (1919–1923 гг.)

М. С. Довгялло (Минск)

Послереволюционная, наиболее массовая по численности, волна российской эмиграции – уникальное явление не только в истории России, но и в мировой истории. География ее расселения охватывает различные европейские страны такие как: Франция, Германия, Польша, Королевство СХС (Югославия), Болгария, Чехословакия и др. Главным центром российской военной эмиграции в рассматриваемый период стала Болгария. В политике болгар к России доминировала идея общего славянского происхождения, близости языка, православия и, конечно, той роли, которую сыграла Россия в освобождении Болгарии от османского ига.

Побежденная в Первой мировой войне Болгария в результате Нейиского мирного договора 1919 г. оказалась под тяжестью огромных репарационных платежей. Экономическое положение в то время было катастрофическим. Острый политический кризис predetermined приход к власти правительства Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) под руководством А. Стамболийского.

Вместе с тем представители западных стран-победительниц начали вести дипломатические переговоры с правительством Болгарии о временном приеме больных, раненых, инвалидов, российских военных в конце 1919 г. премьер-министр БЗНС надеялся, что его отзывчивость к рекомендациям стран Антанты поможет его стране получить послабление в выполнении военных условий Нейиского договора. Дипломатическая акция дала положительные результаты. Первые русские эмигранты прибыли в Варну на пароходе «Витязь» в декабре 1919 г. Для организации приема граждан был учрежден Русско-болгарский культурно-благотворительный комитет, который возглавил архиепископ Софии Стефан [7, с. 31], ставший одновременно представителем Верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев. Данному комитету активно помогали обустроить беженцев Славянское общество, Святейший синод Болгарской православной церкви, Болгарское общество Красного Креста, Общество единения русских в Болгарии и др. В последующем был создан правительственный Комитет по делам беженцев, осуществлявший помощь эмигрантским организациям на государственном уровне (1923 г.) [3, с. 24]. Следует отметить, что после серии переговоров правительство Болгарии в феврале 1920 г. объявило о решении принять и других российских военных эмигрантов. Таким образом в Болгарии, кроме гражданской, оказалось – не без влияния Антанты – много российской военной эмиграции, прежде всего казаков и представителей военного контингента барона Врангеля. К лету 1922 г. в стране насчитывалось более 36 тыс. русских эмигрантов и бывших солдат белой армии [7, с. 19]. Количество белогвардейцев значительно превосходило болгарскую армию с учетом того, что согласно Нейискому договору вся болгарская армия, включая полицию, не могла превышать 6,5 тыс. человек [2, с. 174].

Российская военная эмиграция относилась к эмиграции добровольно-вынужденного типа. Она сформировалась в условиях чрезвычайной ситуации – поражения белых армий в Гражданской войне в России за достаточно короткий исторический период. Перемещение за рубеж эвакуированных воинских контингентов осуществлялось организованно, с сохранением военной структуры (полков, дивизий т.п.). В частности, в Болгарию прибыли элитные белые части. Основным фактором, толкавшим военных в эмиграцию, являлся страх применения в отношении их репрессий на родине.

Председатель СНК РСФСР В. И. Ленин в начале 1920-х гг. охарактеризовал эмиграцию как «течение русской контрреволюции за рубежом» [16, с. 24]. Враждебное отношение к эмиграции нашло отражение в законодатель-

ных актах советской власти. В ноябре 1920 г. Совнарком РСФСР принял Декрет о бесхозяйственном имуществе, а затем дополнил его постановлением «О конфискации всего движимого имущества граждан, бежавших за пределы РСФСР», признавшим все движимое имущество бежавших за пределы республики или скрывающихся до настоящего времени граждан, в чем бы оно ни заключалось и где бы ни находилось, собственностью РСФСР [4, с. 245–246]. Таким образом, эмигранты были лишены не только своих фабрик, домов, квартир, но и всего личного имущества, но и возможности возврата в Россию.

Отличительной особенностью Болгарии было благожелательное отношение местного населения к российской эмиграции. Близость славянских корней и языка способствовали тому, что Болгария стала одним из центров Русского Зарубежья в Западной Европе. Вместе с тем, из-за сложной внутриполитической ситуации в самой Болгарии отношение болгарских властей к российской военной эмиграции не было последовательным и однозначным. Давление на правительство БЗНС оказывала советская Россия. Нарком Г. И. Чичерин отправил в декабре 1920 г. официальную ноту правительству А. Стамболийского, обвиняя Болгарию в содружестве с Врангелем во время Гражданской войны и в предоставлении убежища его армии на своей территории по ее окончании [15, с. 175]. Единственной партией, выступившей против приема российских эмигрантов и поддержавшей советскую Россию, была Болгарская компартия (БКП) и ее парламентская фракция. Коммунистическая фракция, квалифицируя всех белоэмигрантов как «контрреволюционеров», препятствующих реализации стратегических планов и ненужных болгарскому государству, неоднократно заявляла в парламенте, что «у болгарского государства нет никаких интересов поддерживать их» [7, с. 34]. В связи с этим частыми были парламентские дебаты в отношении изгнания из страны не только частей Врангеля, но и всех российских гражданских эмигрантов. В декабре 1921 г. парламентской группой БКП был направлен запрос в Народное собрание Болгарии с требованием репатриации российских беженцев из Болгарии и примечанием, что размещение войск Врангеля в стране является враждебным актом по отношению к советской России [13, с. 29, 690]. Весной 1922 г., когда началось сближение властей Софии и Москвы, болгарские коммунисты организовали массовые демонстрации в стране под лозунгом: «Врангелевцы – вон из Болгарии!» [6, с. 77]. Следует отметить, что в Болгарии Коминтерн пережил период процветания, пока у власти было правительство А. Стамболийского. С согласия премьер-министра из России в Болгарию была послана для борьбы с остатками белой армии генерала Врангеля группа секретных агентов, использовавшая все средства пропаганды, включая издание газеты, и все методы террора, в том числе убийства. Результатом ее деятельности стала депортация в мае – июне 1922 г. из Болгарии 58 офицеров, из них 35 генералов, в том числе генералов А. П. Кутетова, П. Н. Шатилова, В. Я. Вязьмитинова и др. [8, с. 165]. По распоряжению болгарского правительства были закрыты газеты «Русское дело» и «Свободная речь», а их ре-

дакторы были высланы из страны. Как отмечает В. Г. Кривицкий, группе секретных агентов удалось в значительной степени деморализовать потенциально антисоветскую армию [9, с. 90].

Необходимо также сказать, что в мае 1922 г. при поддержке советских спецслужб был создан прокоммунистический «Союз возвращения на Родину» («Совнарод»). Через несколько месяцев он превратился в массовую организацию в результате проводимой при активном содействии БКП агитации, как среди солдат, так и гражданского населения. Под посредством издания газет «На родину» и «Новая Россия» в которых разъяснялись его цели и задачи. В составе союза были не только солдаты, казаки, унтер-офицеры, но и гражданские лица. Так, в июне 1922 г. в рядах «Совнарода» насчитывалось 3 500 человек, а в сентябре – уже 5 300, к 1923 г. он объединил 65 групп с численностью около 8 500 человек. Итогом работы «Совнарода» стало возвращение представительством Российского общества Красного Креста, Лигой Наций в 1922–1923 гг. в Россию из Болгарии от 12 до 14 тыс. человек, из которых 70% составляли казаки [16, с. 75, 77]. Таким образом, Болгария явилась одной из немногих стран, для которых характерно такое массовое возвращение российских эмигрантов на родину.

Вместе с тем, действия болгарского правительства против врангелевцев были непоследовательными: при его попустительстве военнотружущие сохранили оружие и военное имущество, русская миссия сохранила свое положение. Также Болгария была одной из немногих стран, где белоэмигранты участвовали в подготовке государственного переворота, приведшего к смене кабинета А. Стамболийского на правительство А. Цанкова. Так, белогвардейские отряды приняли участие в перевороте 9 июня 1923 г. и в подавлении коммунистического восстания в сентябре 1923 г.

После подавления восстания коммунистов в сентябре 1923 г. болгарское руководство изменило политику по русскому вопросу. Следует отметить, что пришедший в результате переворота к власти кабинет А. Цанкова, учитывая оказанную поддержку белогвардейцев, внес изменения в болгаро-советские отношения, сократив контакты с СССР. Был отменен полицейский контроль за местожительством белоэмигрантов, а также разрешено свободное передвижение из одного населенного пункта в другой в поисках работы. Советские учреждения в Софии – миссия Красного Креста и «Совнарод» – были закрыты. С российской военной эмиграцией началось более активное сотрудничество – была создана система во главе с Русским общевоинским союзом (РОВС), который в отличие от других стран Европы имел в Болгарии фактически два центра – в Софии под командованием генерала Ф. Абрамова и в Бургасе под командованием генерала А. Грекова.

Вместе с тем положение высшего командного состава российских военных эмигрантов не изменилось в сравнении с тем, каким оно было до переворота и прихода к власти правительства А. Цанкова. Как отмечается в источниках, «даже старшему командному составу, высланному из Болгарии

при А. Стамболийском, после переворота не разрешили вернуться к своим частям. Не оправдались и надежды оптимистов на то, что теперь «...откроются кое-какие пути и возможности устроиться получше» [1, с. 190]. Поэтому у российских военных эмигрантов, как при А. Стамболийском, так и при военной диктатуре А. Цанкова, оставалась та же перспектива – «черная» работа.

Необходимо отметить, что болгарское правительство было либерально по вопросу получения российскими эмигрантами права на трудовую деятельность и трудоустройство. Пребывание в Болгарии многих российских офицеров, среди которых были высокообразованные специалисты, окончившие в России военные академии, обусловило возникновение в ряде мест расположения врангелевских войск различных военно-научных ассоциаций. Их базой стал преподавательский состав расквартированных в стране девяти военных училищ и школ, в частности, артиллерийских и военно-инженерных [5, с. 116–117]. Был создан «Союз русских офицеров», в состав которого могли входить военные врачи, военные чиновники и лица духовного звания. Целью его деятельности было «объединение своих членов и поддержание, сохранение среди них, как кадров для будущих формирований Российской Армии, воинского рыцарского духа и основ воинской дисциплины и военной этики» [12, с. 75]. Наряду с этим солдаты, казаки, младшие офицеры создавали трудовые артели. Они трудоустраивались на предприятия добывающей промышленности, на строительство шоссе, мостов, рубку леса, в шахты и т.д., т.е. работали в трудных условиях и за более низкую плату, чем у болгарских рабочих. Только за период с 1920 по 1925 гг. было создано 16 127 рабочих мест, из них интеллектуальный труд составлял только 3,8%, а ручной – 96,2% [10, с. 66].

Таким образом, правительство БЗНС проводило двойственную политику по отношению к российской военной эмиграции. С одной стороны оно учитывало мнение советской России в отношении военной эмиграции, а с другой стороны, решало свои внутренние и внешние вопросы – недостаток высококвалифицированных специалистов (офицеры, профессора, врачи, инженеры и т.д.) и погашение старых долгов перед царской Россией за счет расходов на содержание российских эмигрантов.

А положение российских военных эмигрантов в Болгарии в рассматриваемый период характеризовалось низким социальным и юридическим статусом, высоким уровнем безработицы и, как следствие, психологической подавленностью и деморализацией.

1. Адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.) / Ю. А. Поляков [и др.]. – М. : ИРИ РАН, 2006. – 342 с.
2. Бирман, М. А. Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии 1920–1930 годов / М. А. Бирман, А. Н. Горяинов // Новая и новейшая история. – 2002. – № 1. – С. 173–193.
3. Горяинов, А. Н. Культурно-просветительные организации русских эмигрантов в Болгарии (до начала 30-х годов XX века) / А. Н. Горяинов // Славяноведение. – 1994. – № 4. – С. 23–33.

4. Декреты Советской власти. – М. : Политиздат, 1983. – Т. 11. – Окт. – ноябрь 1920 г. – 467 с.
5. Домнин, И. В. Русское военное зарубежье: дела, люди и мысли (20–30- годы) / И. В. Домнин // Вопросы истории. – 1995. – № 7. – С. 116–117.
6. Йованович, М. Русская эмиграция на Балканах, 1920–1940 / М. Йованович. – М. : Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2005. – 488 с.
7. Кёсева, Ц. Болгария и русская эмиграция, 1920–1950-е годы / Ц. Кёсева. – М. : Русский путь, 2008. – 310 с.
8. Кононова, М. М. Русские и дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.) / М. М. Кононова. – М. : ИВИ РАН, 2004. – 240 с.
9. Кривицкий, В. Г. Я был агентом Сталина / В. Г. Кривицкий // Вопросы истории. – 1992. – № 1. – С. 81–100.
10. Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М. : ИРИ РАН, 2001. – 330 с.
11. Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы : учеб. пособие / Под ред. А. Ф. Киселева. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДАС, 1999. – 776 с.
12. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов / Е. И. Пивовар [и др]. – М. : Ист.-арх. ин-т, 1994. – 117 с.
13. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы : в 2-х т. – М. : Триада-Х, 2001. – Т. 2 : Несбывшиеся надежды ... 1923 г. – 483 с.
14. Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы : в 2-х т. – М. : Гея, 1998. – Т. 1: Так начиналось изгнание, 1920–1922 гг. – Кн. 2. На чужбине. – 751.
15. Русский исход / Отв. ред Е. М. Миронова. – СПб. : Алетей, 2004. – 320 с.
16. Шкаренков, Л. К. Агония белой эмиграции. 3-е изд. / Л. К. Шкаренков. – М. : Мысль, 1987. – 236 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИДЕРА РУСИНСКОЙ ДИАСПОРЫ В США МИХАИЛА ЮГАСА В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ ВЕНГЕРСКИХ И ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СТРУКТУР (1929–1930 гг.)

О. Г. Казак (Минск)

Межвоенный период характеризовался борьбой за настроения многочисленной (насчитывавшей, по некоторым данным, около 250 тыс. человек) русинской диаспоры в США, которую с переменным успехом вели дипломаты Чехословакии и Венгрии. Внимание внешнеполитических ведомств двух стран к данной категории жителей США объяснялось тем, что американские русины сыграли немаловажную роль в легитимации вхождения их исторической родины – Подкарпатской Руси – в состав Чехословакии. Существовали обоснованные предположения, что в случае постановки вопроса о смене государственной принадлежности края слово лидеров русинской диаспоры в США может оказаться весомым.

Влиятельнейшую организацию американских русинов – «Соединение греко-католических русских братств» (далее – «Соединение») –